

ПОЗИЦИЯ МАЛОЙ АНТАНТЫ В ПЕРИОД ПЕРЕГОВОРОВ О «ПАКТЕ ЧЕТЫРЕХ»

Вопрос о происхождении «пакта четырех держав» привлекает пристальное внимание советских историков,¹ однако противодействие этому пакту малых европейских стран недостаточно показано в работах историков социалистических стран.² Реакционные же буржуазные исследователи стремятся затушить антисоветскую направленность «пакта четырех», пытаются оправдать участие западных империалистических держав в переговорах о пакте.³

«Пакт четырех» не только предусматривал ревизию Версальской системы, но и создавал угрозу национальной независимости малых стран Европы, поэтому против него резко выступили страны Малой Антанты и Польша. Опрямую роль в провале пакта сыграла советская дипломатия, разоблачавшая его опасные последствия для дела мира. Цель данной статьи заключается в том, чтобы показать позицию стран Малой Антанты в период от прихода Гитлера к власти до парафирования «пакта четырех» в июне 1933 г.

Мировой экономический кризис 1929—1933 гг. привел к обострению межимпериалистических противоречий. Германский империализм фактически поставил вопрос о новом переделе мира. В годы кризиса усилилась борьба германских, итальянских и французских империалистов за господство в Дунайском бассейне. Особую позицию в германо-итало-французской борьбе за Дунайский

¹ З. С. Белоусова. «Пакт четырех» 1933 года — «Новая и новейшая история», 1972, № 2; Ю. Г. Вилунас. Англия и пакт четырех держав в 1933 г. — «Вестник Ленинградского ун-та», № 2, вып. 1, 1966; И. Д. Овсяный. Тайна, в которой война рождалась. М., 1971; История дипломатии, т. 3. М., 1965.

² Позиция Малой Антанты в период переговоров о пакте четырех затрагивается в работах: В. К. Волков. Германо-югославские отношения и развал Малой Антанты. М., 1966, стр. 23—30; Я. М. Копанский, И. Э. Левит. Советско-румынские отношения. 1929—1934. М., 1971; в трудах историков социалистических стран: Внешняя политика Чехословакии. М., 1959; И. М. Опря. Дипломатическая деятельность Николае Титулеску. Бухарест, 1970; D. C. Giurescu. La diplomatie Roumanie et le pacte des quatre (1933). — «Revue roumaine d'histoire», 1969, № 1; M. Vanku. Osvrtna akciju Male Antante a vezi za stvaranjem cetvernog pacta velikih sila na 1933 godine. — «Jugoslovenska revija za medunarodno pravo», 1966, № 1—3. Beograd.

³ K. H. Jaraush. The Four Power Pact. 1933. Madison, 1965.

бассейн занимал английский империализм. Поощряя ревизионистские стремления германского и итальянского фашизма, пытаясь играть на итало-французских противоречиях, британский империализм претендовал на роль верховного арбитра в европейских делах. Его политика была направлена на то, чтобы по возможности ослабить преобладание Франции на европейском континенте.

Германская экспансия в Дунайском бассейне и на Балканах резко усилилась после установления фашистской диктатуры в Германии. Гитлеровцы стремились «установить господство над всей Юго-Восточной Европой от Чехословакии до Турции».⁴ Уже в первые месяцы существования фашистской диктатуры в Германии, наряду с экономической экспансией, нацисты использовали и методы военно-политического нажима на балканские страны.

Одной из первоочередных задач гитлеровской дипломатии являлся развал французской системы военно-политических союзов в Центральной и Юго-Восточной Европе. Главный удар Германия направила против Малой Антанты, являвшейся важнейшей частью французских союзов. Германский министр иностранных дел Нейрат в письме к послу в Риме Хасселю от 7 февраля 1933 г. подчеркивал, что «главная цель, преследуемая нами в этом районе, заключается в том, чтобы работать над постепенным ослаблением и, если возможно, полным развалом Малой Антанты в будущем».⁵ Нейрат указывал, что в данном вопросе «германские и итальянские политические концепции совершенно одинаковы», но вместе с тем отметил, что существует «расхождение между германской и итальянской политикой в Австрии». Руководители германского МИД учитывали, что «политические амбиции Италии всегда были направлены на расширение итальянского влияния в Средиземноморье и особенно на северо-африканском побережье». На Балканском же полуострове, по мнению одного из ведущих германских чиновников МИД Кёпке, Италия стремится «расширить свое влияние и особенно усилить свою роль в Вене, которая после войны стала итальянской сферой влияния».⁶ «В Дунайском бассейне, — писал Кёпке Хасселю в феврале 1933 г., — наши политические интересы не идут параллельно с итальянскими».⁷ Наличие противоречий между Германией и Италией в Дунайском бассейне, особенно из-за Австрии, по мнению Кёпке, делает невозможным достижение тесного сотрудничества с Италией. Единственным вопросом, в котором интересы Германии и Италии в Юго-Восточной Европе совпадают, по словам Кёпке, является стремление к подрыву французских позиций и к уничтожению Малой Антанты. «Мы, как и Италия, заинтересованы в ослаблении Малой Ан-

⁴ Нюрнбергский процесс, т. 2. М., 1958, стр. 486—487.

⁵ DGFP, Ser. C, vol. № 14, p. 30.

⁶ Ibid., № 27, p. 58.

⁷ Ibidem.

танты и, следовательно, французской системы союзов», — писал Кёпке-Хасселю.⁸

В период экономического кризиса чрезвычайно усилил свою деятельность в Дунайском бассейне и на Балканах итальянский империализм. С помощью ревизионистских и антиверсальских лозунгов итальянскому фашизму удалось усилить свои позиции в Албании, Венгрии и Австрии. Италия пыталась объединить эти государства, чтобы обеспечить себе союзников на случай конфликта с Францией и Югославией. Муссолини открыто заявлял о намерении захватить югославскую Далмацию.⁹ Италия была заинтересована в сближении прежде всего с Австрией, занимавшей ключевые позиции в бассейне Дуная, рассматривая Вену как свою опорную базу для дальнейшей экспансии в Юго-Восточной Европе.

Стремление гитлеровской Германии и фашистской Италии ликвидировать Версальскую систему способствовало росту ревизионизма, реваншизма и фашизма в Венгрии, Австрии и Болгарии. Особенно усилилась напряженность в отношениях между ревизионистскими странами — Австрией, Венгрией и Болгарией, — с одной стороны, и Малой Антантой, — с другой — в конце 1932 — начале 1933 г. Правительство Будапешта, Вены и Софии, подстрекаемое германскими и итальянскими фашистами, выдвигали требования ревизии мирных договоров. Венгерский премьер-министр Гембеш заявил о «назревшей необходимости ревизии Версальской системы».¹⁰ В ряде городов Венгрии, Болгарии и Австрии состоялись националистические демонстрации с требованием пересмотра мирных договоров.¹¹ Открытые выступления итальянских, венгерских и болгарских правящих кругов за ревизию границ вызвали ответную волну национализма в Румынии и Югославии, где состоялись антивенгерские и антиитальянские митинги и демонстрации, сопровождавшиеся массовыми избиениями национальных меньшинств.¹²

Итало-югославские и итало-французские отношения в конце 1932 — начале 1933 г. обострились до такой степени, что возникла угроза вооруженного конфликта на Балканах. На границах Франции и Югославии с Италией концентрировались французские и югославские войска.¹³ На итальянской границе французский генштаб сосредоточил две горные полубригады, две дивизии и шесть линейных полков. Франция расширила и модернизировала свои укрепления в пограничных с Италией районах. Югославское командование тоже увеличило численность своих войск в Загребе до 40 тыс. Из Боснии 2 пехотные дивизии были переброшены к западным границам Югославии и введены войска в Сплит.¹⁴

⁸ DGFP, Ser. C, vol. № 14., p. 59.

⁹ DDF, Premieré Serie, t. 1, № 141, p. 62; № 226, p. 399.

¹⁰ Ibid., № 276, p. 587.

¹¹ «The Near East and India», December 15, 1932, p. 1007.

¹² Ibidem.

¹³ DDF, I Ser., t. 2, № 110, p. 262—263.

¹⁴ «Правда», 1932, 13 декабря; «Правда», 1933, 19 марта.

Резкая антифранцузская и антиюгославская кампания развернулась и в фашистской Италии. В Риме состоялись демонстрации фашистских организаций под лозунгами: «Да здравствует итальянская Далмация!». Муссолини оказывал активную поддержку хорватским устам, стремясь подорвать Югославию изнутри путем разжигания национальной розни. Французский поверенный в Риме Дампьер докладывал в Париж, что «нынешняя позиция итальянского правительства по отношению к Белграду ...диктуется ожиданием ближайшего и неизбежного крушения соседней монархии».¹⁵

По мере роста ревизионистской кампании в гитлеровской Германии, фашистской Италии и малых побежденных странах — Венгрии, Австрии и Болгарии, в странах Малой Антанты усиливалась заинтересованность в укреплении военных, экономических и политических связей между собой и с Францией. Эта тенденция еще более подталкивалась тем обстоятельством, что французское правительство в декабре 1932 г. согласилось с требованием Германии «равноправия» в вооружениях. Готовность французских правящих кругов к уступкам Германии и Италии в вопросе ревизии мирных договоров вызывала в странах Малой Антанты недоверие к французской политике. Румынский министр иностранных дел Титулеску выражал беспокойство «в связи с изменениями, которые могут произойти в будущем во французской политике по отношению к странам Центральной и Восточной Европы в том, что касается поддержания статус-кво».¹⁶ Чехословакия, игравшая в Малой Антанте ведущую роль и подвергавшаяся наибольшей опасности, пыталась укрепить союз Малой Антанты и упрочить антиревизионистский фронт в Юго-Восточной и Центральной Европе.

Оказавшись в тисках между германским и итальянским империализмом и их ревизионистскими союзниками в Дунайском бассейне, страны Малой Антанты пошли на укрепление своего дипломатического, политического и экономического единства. В укреплении Малой Антанты важную роль сыграла ее чрезвычайная конференция, состоявшаяся в Белграде в декабре 1932 г., на которой рассматривались вопросы об отношении к пересмотру мирных договоров, проблемы военных долгов и репараций, перевооружения Германии и других ревизионистских государств. Наибольшую активность на этой конференции развернула чехословацкая делегация. Ее руководитель министр иностранных дел Бенеш подчеркнул, что конференция является «манифестацией солидарности из-за все больше увеличивающегося давления Рима и Берлина в пользу ревизии договоров».¹⁷ Бенеш призывал укреплять связи между странами Малой Антанты, так как Германия и Италия стремятся к разделу сфер влияния в Центральной и Юго-Восточ-

¹⁵ DDF, 1 Ser., t. 2, № 201, p. 454.

¹⁶ DDD, 1 Ser., t. 2, № 187.

¹⁷ DDF, 1 Ser., t. 2, № 120, p. 280.

ной Европе. Инициатива Бенеша была энергично поддержана русским министром иностранных дел Титулеску, который предложил, чтобы государства, входившие в Малую Антанту, координировали в будущем основные направления внешней политики и совместно определяли свое отношение к международным событиям.¹⁸ По предложению Бенеша и Титулеску на конференции было принято решение о создании постоянного Совета Малой Антанты, состоящего из министров иностранных дел и секретариата, «для изучения текущих вопросов внешней политики».¹⁹ Бенешу было поручено разработать новый текст пакта, который должен был быть утвержден на совещании стран Малой Антанты в феврале 1933 г.

Заключение нового пакта Малой Антанты ускорил так называемый «Гиртенбергский инцидент». В январе 1933 г. в печать проникли сведения, что фашистская Италия, в нарушение мирных договоров, тайно поставляет оружие в Венгрию. В Гиртенберге, на австро-венгерской границе, было задержано 40 вагонов с 50 тыс. винтовок и 200 пулеметами, доставленными из Италии.²⁰ Стало известно, что директор завода Гиртенберга Мамль связан с хеймвером, а ввезенное в Австрию оружие сопровождалось фальшивыми бумагами, в которых оно значилось как «старое железо».²¹ Известие о том, что Италия вооружает Венгрию, вызвало тревогу в странах Малой Антанты, которые потребовали объяснений от австрийского правительства. Канцлер Дольфус пытался отделаться заявлением, что это оружие было старым вооружением австро-венгерской армии, предназначенным для ремонта. В действительности было установлено, что итальянское оружие было совершенно новым и предназначалось Венгрии.²² Особое беспокойство в Югославии вызывали слухи о том, что большая часть оружия предназначалась хорватским усташам, военные лагеря которых располагались в Венгрии вдоль югославской границы.²³

Протесты Малой Антанты вынудили французское правительство вручить канцлеру Дольфусу ноту, в которой констатировался факт нарушения статьи 134 Сен-Жерменского договора и выдвигалось требование «возвратить все оружие отправителю».²⁴

Угроза пересмотра территориальных и военных статей мирных договоров, исходившая от гитлеровской Германии, фашистской Италии и малых ревизионистских стран, особенно проявившаяся во время «гиртенбергского инцидента», вызвала в странах Малой Антанты кампанию против государств, нарушающих мирные

¹⁸ И. М. Опря. Дипломатическая деятельность Николае Титулеску, стр. 87.

¹⁹ DDF, 1 Ser., t. 2, № 124, p. 289.

²⁰ Ibid., p. 496, № 209.

²¹ «Известия», 1933, 13 января.

²² DDF, 1 Ser., t. 2, № 194, p. 435.

²³ Ibid., № 242, p. 532.

²⁴ Ibid., № 283, p. 603.

договоры, и была использована буржуазией Чехословакии, Румынии и Югославии как доказательство необходимости укреплять союз Малой Антанты.

«Организационный пакт» Малой Антанты был подписан министрами иностранных дел Чехословакии, Румынии и Югославии в Женеве 16 февраля 1933 г. Бенеш, Титулеску и Ефтич заявляли о необходимости «полной унификации их общей политики» путем создания постоянного Совета Малой Антанты из министров иностранных дел трех стран.²⁵ Постоянный совет должен был собираться не реже трех раз в год под председательством министра иностранных дел той страны, где проходила встреча. В качестве исполнительного органа учреждался Секретариат постоянного совета. Внешняя политика стран Малой Антанты должна была координироваться. Любой политический или экономический договор, заключенный одной из стран Малой Антанты с другим государством, подлежал предварительному единогласному утверждению постоянным Советом. Создавался также экономический совет Малой Антанты для координации экономических интересов трех стран.²⁶ В неопубликованной секретной декларации представители Малой Антанты заявляли, что их цель заключается в сохранении в Центральной Европе статус-кво, и что всякий раз, когда возникнет угроза его нарушения, они будут консультироваться между собой о принятии необходимых мер.²⁷

«Организационный статут» Малой Антанты, по расчетам его создателей, должен был увеличить роль Малой Антанты в международных европейских делах. Внешнеполитический обозреватель «Известий» писал, что пакт «имел целью теснее увязать страны и обезопасить ее от неожиданной нелояльности того или другого из ее членов».²⁸ В странах Малой Антанты большое беспокойство вызывала непоследиваемая политика французского правительства, которое было готово пойти на уступки фашистским державам в вопросах ревизии Версальской системы в ущерб интересам малых государств, в том числе и своих союзников. Готовность французских империалистов к компромиссу с фашистской Италией за счет интересов стран Юго-Восточной Европы была проявлена во время переговоров между Муссолини и французским послом в Риме Жувенелем весной 1933 г. Муссолини предложил рассмотреть «политические и экономические» проблемы, прежде всего колониальные, вопрос о морском паритете и заключить соглашение между Италией и Францией о совместном сопротивлении аншлюсу Австрии.²⁹ Однако итало-французское соглашение тогда не было достигнуто из-за острых противоречий в Дунайском бассейне и в Средиземноморье.

²⁵ Ibid., № 302, p. 628—629.

²⁶ DDF, 1 Ser., t. 2, № 302, p. 628—629.

²⁷ Ibidem.

²⁸ «Известия», 1933, 6 апреля.

²⁹ DDF, 1 Ser., t. 2, № 368, p. 730.

Обозреватель «Известий» подчеркивал, что «стремление к объединению стран Малой Антанты особенно остро проявилось в тот момент, когда выявилась неспособность Франции оказывать им всю полноту необходимой им защиты и покровительства». ³⁰ Тем не менее газета указывала, что «пока Франция заинтересована в сохранении Версаля (а это остается основой ее политики), Малая Антанта не может быть антифранцузской». В Париже приветствовали новый договор Малой Антанты, который, по словам «Известий», носил «антиитальянский, антигерманский, и антиревизионистский и проверсальский характер». ³¹

В гитлеровской Германии, фашистской Италии и хортистской Венгрии подписание «Организационного пакта» Малой Антанты вызвало недовольство. Рупор нацистской партии газета «Фелькишер беобахтер» с раздражением писала о «французских интригах, заражающих европейскую атмосферу», утверждала, что «попытки Франции установить свое господство с помощью маленьких, незначительных, почти лишенных истории народов, содействуют росту коммунистической опасности в Европе». ³²

21 февраля 1933 г. германский министр иностранных дел Нейрат в ответ на заявление чехословацкого посланника в Берлине Машного, что причиной заключения пакта явилась необходимость «проявлять солидарность перед лицом великих держав, которые склонны... пренебрегать интересами малых стран» и заверение, что новый «союз не направлен против Германии», выразил свое недовольство подписанием нового пакта Малой Антанты. ³³ Нейрат подчеркнул, что он «не видит, как заключение этой конвенции в настоящее время и в такой форме может служить сохранению мира в Европе», так как пакт «усилит беспокойные элементы в Югославии и, следовательно... увеличит опасность военных осложнений на Балканах». ³⁴ 22 февраля статс-секретарь германского МИД Бюлов в беседе с румынским посланником в Берлине Петреску-Комненом, который доказывал, что цель действий Малой Антанты состояла в том, чтобы «обеспечить уважение великих держав и не быть поставленной перед совершившимся фактом объединенных действий великих держав», вновь указал на отрицательное отношение германского правительства к «Организационному пакту» Малой Антанты. ³⁵

Открытое недовольство новым договором Малой Антанты выражала и хортистская Венгрия, правительство которой расценило его как «опасную провокацию». ³⁶

В странах Малой Антанты подписание «Организационного пак-

³⁰ «Известия», 1933, 18 февраля.

³¹ Там же.

³² Я. М. Копанский, И. Э. Левит. Советско-румынские отношения. 1929—1934, стр. 121—122.

³³ DGFP, Ser. C, vol. 1, № 31, p. 68.

³⁴ Ibidem.

³⁵ Ibid., № 32, p. 69—70.

³⁶ DDF, 1 Ser., t. 2, № 359, p. 715; DGFP, C. vol. 1, № 100, p. 183.

та» было встречено с удовлетворением. Чехословацкое правительство рассматривало пакт не только как средство, которое должно было обеспечить территориальное статус-кво, но и реорганизовать экономически и политически Центральную Европу под руководством Чехословакии. Французский посланник в Праге Ноэль докладывал министру иностранных дел Бонкуру, что «подписание нового пакта Малой Антанты рассматривается единодушно общественным мнением как большой личный успех Бенеша» и является «ответом на ревизионистскую кампанию». ³⁷

Правящие круги Румынии надеялись использовать Малую Антанту в антисоветских целях. По словам Титулеску, страх Чехословакии перед Германией, Югославии перед Италией, наряду со «страхом» Румынии перед СССР заставил страны Малой Антанты заключить этот пакт. ³⁸ Румынское правительство, приветствуя координацию внешней политики Малой Антанты, вместе с тем стремилось помешать Чехословакии установить нормальные дипломатические отношения с Советским Союзом без согласия Румынии. ³⁹ «Пакт Организации» с одобрением был встречен и в Югославии, правительство которой надеялось с его помощью упрочить свои позиции перед лицом роста угрозы со стороны фашистской Италии и хортистской Венгрии. ⁴⁰ В беседе с французским посланником в Белграде Наджиаром 28 февраля 1933 г. югославский король Александр заявил, что ему было необходимо заручиться поддержкой Румынии и Чехословакии на случай нападения Италии на Югославию. По словам Александра, румынский король обещал ему, что он «не будет больше флиртовать с Италией и Болгарией». Король Александр указал на рост итальянской опасности и подчеркнул, что «дуче использует все силы для развала Югославии». ⁴¹

Хотя «Организационный пакт» был политической победой Франции и поражением Германии и Италии, он не ликвидировал противоречий между странами Малой Антанты, и прежде всего, экономических. ⁴² Французскому империализму не удалось подвести реальный экономический фундамент под созданный им военно-политический союз. Это создавало гитлеровской Германии благоприятные условия для завоевания в Румынии и Югославии значительных экономических и политических позиций и тем самым для подрыва Малой Антанты.

³⁷ DDF, II ser., t. 2, № 314, p. 647.

³⁸ Н. И. Лебедев. Внешняя политика буржуазно-помещичьих кругов Румынии (1932—1938). — «Вопросы истории», 1967, № 8, стр. 63.

³⁹ M. Teichman. Titulescu a Rumunska zagranici politika 1933—1936. — «Československý časopis historický», 1966, № 3, str. 668.

⁴⁰ L. Deak. K problému normalisovania vzťahov medzi Jugosláviou, a SSSR v rokoch 1933—1935. — «Slovanske studie», IX, 1967, str. 98.

⁴¹ DDF, t. 2, № 365, p. 725.

⁴² Б. Бошковиц. Малая Антанта. М.—Л., 1934, стр. 126; Внешняя политика Чехословакии, стр. 286.

В связи с возникновением в Европе и на Дальнем Востоке очагов агрессии, образовавшихся в результате установления фашистской диктатуры в Германии и захвата Японией Маньчжурии, Советский Союз в целях предупреждения агрессии в феврале 1939 г. внес на конференцию по разоружению проект декларации об определении нападающей стороны (агрессора).⁴³ В обстановке обострения всех противоречий империализма и роста опасности агрессии со стороны Германии, Италии и Японии советское предложение представляло основу для объединения усилий всех миролюбивых государств и способствовало сохранению безопасности малых стран Европы.

Возрастающая угроза со стороны Германии и Италии, готовность французского правительства к уступкам фашистским державам вынуждали правительства Малой Антанты, и прежде всего, Чехословакии, прислушиваться к советскому предложению и заставляли пересмотреть свое отношение к СССР. В начале марта 1933 г. Бенеш начал переговоры с советским дипломатическим представителем в Праге А. Е. Аросевым.

В разговоре с Аросевым, состоявшемся 7 марта 1933 г., Бенеш указал, что главная цель «Организационного пакта» — «освободиться от Франции, которая может быть склонна к компромиссу с немцами, что не в интересах Чехословакии».⁴⁴ Бенеш уверял, что Малая Антанта «намерена установить с СССР нормальные отношения и в первую очередь подписать пакт о ненападении». В случае, если Советскому Союзу «трудно подписать пакт с Малой Антантой, как таковой, то можно подписать в отдельности с каждым ее членом». Бенеш обещал вслед за заключением пакта о ненападении установить нормальные дипломатические отношения между Малой Антантой и СССР.⁴⁵

На деле ни чехословацкое правительство, ни правительства других стран Малой Антанты не стремились в тот период к действительному сближению с Советским Союзом, а хотели лишь использовать миролюбивую политику СССР для укрепления своих внешнеполитических позиций. Тем не менее, М. М. Литвинов в телеграмме от 8 марта 1933 г. дал указание А. Е. Аросеву «выслушать Бенеша и срочно сообщить в НКВД».⁴⁶ В беседе Аросева с Бенешем 8 марта, последний подтвердил свое предложение о заключении пакта о ненападении и установлении дипломатических отношений с СССР вскоре после этого.⁴⁷ В телеграмме Литвинова от 10 марта члену советской делегации на конференции по сокращению и ограничению вооружений в Женеве Довагелвскому предлагалось выяснить следующие моменты: «1. Готова ли Чехословакия и Югославия заключить пакт и без Румынии или настаивают

⁴³ Документы внешней политики СССР, т. 16, № 32, стр. 73.

⁴⁴ ДВП СССР, т. 16, № 66, стр. 150.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ ДВП СССР, т. 16, примечание 53.

⁴⁷ Там же, примечание 55.

на трех пактах? 2. Имеет ли он (Бенеш — *С. Р.*) в виду единый для всех стран текст или разные с учетом особенностей каждой страны? 3. Имеет ли он в виду вести переговоры от имени всех трех стран? 4. Принимает ли Румыния теперь текст, который сообщен нами французскому правительству, открытый для подписания в течение четырех месяцев и в котором Бессарабия не упоминается». ⁴⁸ Довгалеvскому были даны полномочия вести официальные переговоры.

Во время переговоров Довгалеvского с Бенешем 13 марта последний пытался доказать «независимость от Франции» нового пакта Малой Антанты, «смысл которого заключается в стремлении закрепить положение стран-участниц по отношению к Германии и Италии». ⁴⁹ Бенеш заявил, что он считает настоящий момент наиболее подходящим для урегулирования отношений между СССР и странами Малой Антанты, хотя по данному вопросу он «не обменивался мнениями ни с Ефтичем, ни с Титулеску и говорит только от своего имени». Бенеш указал, что Румыния «ни раньше, ни теперь, ни в будущем не согласится на включение в него (советско-румынский пакт о ненападении — *С. Р.*) клаузулы, вновь поднимающей бессарабский вопрос». По мнению Бенеша, «следовало бы приступить к переговорам о едином пакте с тройственным образованием» и урегулировать спорные вопросы с каждой страной в отдельности. ⁵⁰ Бенеш вновь выразил готовность вслед за заключением пактов о ненападении восстановить дипломатические отношения с СССР. Вместе с тем он пожелал, чтобы «в пактах не упоминалось о спорных вопросах», и подчеркнул, что его предложение является неофициальным. ⁵¹ Довгалеvский в телеграмме Литвинову указывал, что при такой постановке вопроса «заключение пакта откладывается в долгий ящик. Это вообще не похоже на реальную программу, рассчитанную на скорое исполнение». ⁵²

Несмотря на это, М. М. Литвинов в телеграмме Довгалеvскому от 17 марта 1933 г. предложил заявить Бенешу о готовности советского правительства заключить со всеми тремя странами Малой Антанты пакт, «который мы также считали бы фактором замирения Европы». ⁵³ В то же время Литвинов указал на то, что хотя советское правительство не предвидит больших затруднений в переговорах с Чехословакией и Югославией, «мы сомневаемся в возможности договориться с Титулеску, если он отвергает текст, сообщенный нами французскому правительству. Еще менее возможно в настоящее время разрешение бессарабского вопроса

⁴⁸ ДВП СССР, т. 16, № 71, стр. 159. Речь идет о советском проекте договора о ненападении между СССР и Румынией, переданном румынскому правительству 3 октября 1932 г. См.: ДВП СССР, т. 15, № 389, № 406, 427, 428.

⁴⁹ ДВП СССР, т. 16, № 77, стр. 166.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ ДВП СССР, т. 16, № 77, стр. 166—167.

⁵² Там же.

⁵³ ДВП СССР, т. 16, № 84, стр. 174.

по существу».⁵⁴ Переговоры Бенеша с Довгалеvским показали, что чехословацкое правительство рассматривало их как политический маневр.

В попытках стран Малой Антанты и Польши образовать «пятую великую державу» — объединение, которое могло бы быть противопоставлено политике империалистических держав, в случае, если бы это «сотрудничество» осуществлялось за счет их интересов, — немалую роль сыграл так называемый «пакт четырех».

С приходом Гитлера к власти резко активизировалась деятельность реакционных кругов западных держав по созданию в Европе агрессивного антисоветского блока с участием Германии. 18 марта 1933 г. Муссолини предложил правительствам империалистических держав заключить политический пакт «о согласии и сотрудничестве между етырьмя западными державами».⁵⁵ Проектируемый пакт предусматривал ревизию версальской системы с согласия участников пакта, сотрудничество Англии, Франции, Германии и Италии, которые должны были «вершить все дела в Европе, что означало отстранение Советского Союза от решения вопросов европейской политики и его внешнеполитическую изоляцию».⁵⁶ Согласно пакту, все европейские дела должны были решаться некоей директорией четырех держав. Фашистские державы рассчитывали таким путем оказывать решающее влияние на политику европейских стран. Пакт четырех предусматривал возможность ревизии мирных договоров. Тем самым не только ограничивалась роль Лиги Наций, но и ставился вопрос о территориальных изменениях в Европе. В проекте пакта предусматривалось «равенство прав» Германии, Венгрии, Австрии и Болгарии в области вооружений. Наконец, пакт обязывал его участников проводить согласованную политику во всех международных вопросах».⁵⁷

Британских империалистов пакт привлекал прежде всего своей антисоветской направленностью. С помощью пакта английское правительство стремилось также ослабить французскую гегемонию в Европе и обеспечить за Англией роль арбитра между версальским блоком и ревизионистским фронтом.

Советское правительство, отчетливо представлявшее, какую опасность для дела мира таит в себе пакт четырех, заняло

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ По вопросу о происхождении «пакта четырех» у советских историков нет единой точки зрения. Часть исследователей связывает проект пакта с именем Макдональда (И. Д. Овсяный. Тайна, в которой война рождалась; В. И. Попов. Дипломатические отношения между Англией и СССР. М., 1965), другая — с именем Муссолини. (История дипломатии, т. 2. М., 1965, стр. 585—587; З. Б. Белоусова. «Пакт четырех» 1933 года. З. Б. Белоусова считает, что автором «пакта четырех» был Муссолини, но его предложение «не было неожиданным» для Макдональда, так как «почти полностью совпадало с замыслом» английского премьер-министра.

⁵⁶ История внешней политики СССР, ч. 1. М., 1966, стр. 277.

⁵⁷ Сборник документов по международной политике и международному праву, вып. 6. М., 1934, стр. 10—11.

резко отрицательную позицию по отношению к нему. 23 марта 1933 г. нарком иностранных дел М. М. Литвинов заявил об «отрицательном отношении» СССР к «концерту четырех держав».⁵⁸

Реакционные круги империалистических держав приветствовали проект пакта четырех, имеющего явно антисоветское острие. Особенно активно поддерживали проект пакта гитлеровская Германия и фашистская Италия, так как он содействовал, агрессивным планам германского и итальянского фашизма. Германское министерство иностранных дел расценивало пакт как «резкую атаку против французской системы союзов, особенно против Польши и... Малой Антанты».⁵⁹ Нейтралитет в письме к германскому послу в Москве Дирксену от 27 марта 1933 г. указывал, что «предложение Муссолини недвусмысленно преследует цель ослабить французскую гегемонию и разрушить систему ее союзов. В некотором смысле... оно должно рассматриваться как противодействие новому союзу Малой Антанты».⁶⁰ Пытаясь затушить антисоветскую направленность пакта, Дирксен, в разговоре с М. М. Литвиновым заявил, что Муссолини «своим пактом направляет удар во французскую систему союзов и французскую гегемонию в Европе, а также в планы Малой Антанты».⁶¹

Советское правительство расценивало участие Германии в переговорах о пакте четырех как прямое нарушение советско-германского договора о нейтралитете 1926 г. М. М. Литвинов заявил Дирксену, что «несмотря на упоминание в проекте пакта рамок Лиги Наций, обсуждаться будут вопросы не только лигонационные, но и общеполитические, которые будут неизбежно задевать интересы не только четырех государств. При таком положении совершенно естественно отрицательное отношение к этому плану со стороны тех государств, которые остаются вне соглашения. Никакие объяснения не могут поэтому устранить недоверия, как нашего, так и других государств к совещанию четырех».⁶² Литвинов указал, что речь идет «о создании политической организации с неограниченной компетенцией и неограниченным порядком дня, а поэтому могущей включать и вопросы, задевающие наши интересы. К таким совещаниям мы не можем оставаться безучастными и равнодушными».⁶³

В телеграмме Литвинова советскому полпреду в Париже Довгалевскому указывалось на необходимость в беседе с Эррио «упоминуть о нашем отрицательном отношении к «пакту четырех», ввиду неограниченности его компетенции и возможности вовлечения вопросов, задевающих наши интересы, не говоря уже о специально антисоветском острие пакта. Скажите, что у нас рассуждают обыкновенно по формуле «без нас — следовательно, против

⁵⁸ ДВП СССР, т. 16, № 90, стр. 181.

⁵⁹ DGFP, C, vol. II, № 86, p. 168.

⁶⁰ Ibid., № 121, p. 225.

⁶¹ ДВП СССР, т. 16, № 106, стр. 212.

⁶² Там же, стр. 213.

⁶³ Там же.

нас».⁶⁴ В передовой статье «Известий», разоблачающей антисоветский характер пакта четырех, подчеркивалось, что Советский Союз «не может оставаться безразличным... к попыткам создания так называемого концерта четырех держав, присваивающих себе право решать судьбу народов».⁶⁵ 31 марта итальянский посол в Москве Аттолико информировал Литвинова о «пакте четырех». В записи этой беседы Литвинов отметил, что Аттолико «пространно говорил о пакте Муссолини, стараясь доказать безобидный характер этого предложения, имеющего целью обеспечить мир. Аттолико не понимает поэтому нашего отрицательного отношения к пакту».⁶⁶ М. М. Литвинов разъяснил Аттолико причину этого отрицательного отношения.

Антисоветский характер пакта вызывал симпатии и у французской реакции. Однако значительная часть буржуазных политических деятелей предупреждала о большой опасности «пакта четырех» для Франции и предложение о пакте отвергала. В одном из своих меморандумов Нейрат подчеркивал, что «Франция показывает скептически отрицательное отношение (к «пакту четырех» — *C. P.*) и очевидно, что на нынешнее французское правительство... оказывают сильное давление ее союзники, а именно Польша и Малая Антанта, которые полностью выступают против идеи пакта четырех держав».⁶⁷

Пакт четырех создавал непосредственную угрозу существованию малых стран Дунайского бассейна, входивших во французскую систему военно-политических союзов. Ревизия Версальской системы в пользу Германии, Италии, Венгрии и Болгарии была бы проведена прежде всего за счет союзников Франции — Малой Антанты и Польши. В этот период фашистская Италия активизировала свои попытки разрушить Малую Антанту, стремилась вырвать из нее Румынию. О том, какую опасность для Малой Антанты таил в себе пакт четырех, свидетельствует следующий факт. 14 марта 1933 г. итальянский посланник в Бухаресте Уго Сола предложил Титулеску не ратифицировать «Организационный пакт», а присоединиться к блоку, включающему в себя Италию, Венгрию и Болгарию, что «предоставило бы свободу рук Венгрии и Болгарии по отношению к Югославии». Взамен Италия обещала посодействовать тому, чтобы Венгрия отказалась от претензий на Трансильванию, а Болгария — на Добруджу.⁶⁸ Титулеску с негодованием отказался принять это предложение.

Ввиду того, что «пакт четырех» угрожал пересмотром границ стран Восточной и Юго-Восточной Европы, Малая Антанта и Польша резко выступили против него. Поль Бонкур, бывший в то время министром иностранных дел Франции, отмечает в своих

⁶⁴ ДВП СССР, т. 16, № 115, стр. 226—227.

⁶⁵ «Известия», 1933, 30 марта.

⁶⁶ ДВП СССР, т. 16, примечание 92, стр. 826.

⁶⁷ DGFP, vol. 1, № 121, p. 226.

⁶⁸ Documents Diplomatiques Français. 1932—1939, 1. Ser., t. 3, № 16, p. 39.

мемуарах, что с самого начала переговоров о «пакте четырех» против него выступали «наши малые союзники: Польша, Румыния, Чехословакия, Югославия».⁶⁹ Генерал Гамелен пишет в своих воспоминаниях, что участие Франции в переговорах о пакте создавало впечатление у французских союзников, что мы пренебрегаем Россией и предоставляем Германии свободу рук на Востоке».⁷⁰ Германский посол в Риме Хассель в докладе в Берлин об итогах визита Макдональда в Рим указывал на «противодействие пакту великих держав» со стороны малых стран, прежде всего «французских вассалов в Восточной и Юго-Восточной Европе».⁷¹

Французское правительство пыталось убедить своих союзников, что Франция, участвуя в переговорах о «пакте четырех», будет учитывать и их интересы. В инструкции Поля Бонкура дипломатическим представителям Франции в столицах европейских стран говорилось о необходимости подчеркивать в разговорах «верность Лиге Наций, Локарнским соглашениям и особенно нашим связям с Польшей и Малой Антантой». Поль Бонкур обещал дать ответ на предложение Муссолини только после предварительной консультации с Польшей, Бельгией и Малой Антантой.⁷² «Что касается наших союзников по Малой Антанте и Польши, — пишет Гамелен в своих мемуарах, — то наша дипломатия применила все, чтобы успокоить их тревогу».⁷³

Особенно активно против «пакта четырех» выступало правительство Чехословакии. Чехословацкий министр иностранных дел Бенеш оказывал давление на Францию с целью отказа последней, от англо-итальянского проекта пакта. «На месте Франции, — заявил Бенеш, — он отклонил бы не только идею директории четырех..., но и идею переговоров вне рамок Женевы... О ревизии, как и в предыдущие 14 лет, не может быть и речи. Что касается Малой Антанты, то она будет сопротивляться англо-итальянскому плану».⁷⁴

Вместе с Чехословакией против предложенного проекта пакта выступили Румыния и Югославия. 22 марта румынский министр иностранных дел Титулеску прибыл в Женеву в качестве представителя Малой Антанты, чтобы заявить великим державам протест против ревизии границ, предусматриваемый пактом.⁷⁵ Он указывал на опасность «окружения и изоляции Франции».⁷⁶

⁶⁹ J. Poul-Boncour. *Entre Deux Guerres. 1919—1934*. Paris, 1945, p. 345.

⁷⁰ Général Gamelin. *Servir. Le prologue du drame*. P., 1946, p. 94.

⁷¹ DGFP, C, vol. 1, № 109, p. 109.

⁷² DDF, 1 Ser., t. 3, № 35, p. 67.

⁷³ Général Gamelin. *Servir*, p. 94.

⁷⁴ DDF, 1 ser., t. 2, № 47, p. 82—83.

⁷⁵ И. М. Опря. Дипломатическая деятельность Николае Титулеску, стр. 120.

⁷⁶ N. C. Giurescu. *La diplomatie Roumanie et le pacte des quatre*, p. 80—81.

Одним из первых актов противодействия стран Малой Антанты «пакту четырех» были визиты Бенеша, Титулеску и югославского представителя в Лиге Наций Фотича к английскому министру иностранных дел Саймону 25—26 марта 1933 г. Дипломаты Малой Антанты выразили Саймону свое беспокойство в связи с идеей ревизии мирных договоров, осуществление которой означало бы территориальные уступки со стороны Чехословакии, Румынии и Югославии в пользу Венгрии и Италии.⁷⁷ Однако Саймон высказался за благожелательное отношение к пакту четырех держав.⁷⁸

25 марта 1933 г. в Женеве было опубликовано коммюнике о заседании постоянного Совета Малой Антанты, в котором содержались самые принципиальные возражения против идей «пакта четырех». В коммюнике говорилось: «Государства Малой Антанты не могут признать, что соглашение, преследующее цель распоряжаться правами третьих стран, служит делу добрых отношений между государствами». Представители Малой Антанты высказывали сожаление, что в переговорах, имевших место в последние дни, идея ревизионизма была подчеркнута... Они считают своей обязанностью обратить внимание на то, что ревизионистская политика неизбежно вызывает энергичное противодействие и не может успокоить умы и усилить чувство доверия».⁷⁹

В соответствии с принятыми в Женеве решениями стран Малой Антанты Титулеску в конце марта — начале апреля посетил Лондон и Париж, где выступал против какого бы то ни было сотрудничества на основе предложения Муссолини.⁸⁰

В Париже Титулеску вел переговоры с представителями французского правительства и оппозиции — Бонкуром, Даладье, Эррио, Монзи, Бонне, Блюмом, Тардье и другими. Он критиковал тех, кто «подвержен соблазну ждать от Гитлера и Муссолини больших благ» и угрожал, что Малая Антанта «изменит свою ориентацию».⁸¹ «Если Франция, — заявил Титулеску, — отказывается от своей священной миссии защитницы малых держав, то мы обойдемся без нее... Что касается меня, то моей миссией является откровенно предупредить вас, что пересмотр договоров будет означать войну, за которой последует большевизация Европы».⁸² Румынский дипломат констатировал, что «официальная французская политика не оказывает слишком большого сопротивления действиям ревизионистов, но общественное мнение может оказать твердое сопротивление попыткам изменить карту Европы».⁸³ Одним из наиболее рьяных сторонников «пакта четырех» был французский посол в Риме Жувенель. В донесении Бонкуру от 25 марта 1933 г.

⁷⁷ DBFP, Second Ser., Vol. 5, № 54—57, pp. 106—108, 110—113.

⁷⁸ Ibidem.

⁷⁹ DDF, 1 ser., t. 3, № 45, p. 80—81.

⁸⁰ M. Teichman, op. cit., p. 669.

⁸¹ Ж. Табуи. 20 лет дипломатической борьбы. М., 1960, стр. 189.

⁸² Там же.

⁸³ D. Giurescu, op. cit., p. 83.

он писал: «Я убежден, что Франция должна... вести переговоры с великими державами». Жувенель доказывал, что французам «не нужно быть больше поляками, чем сами поляки и больше чехами, чем Массарик, и позволить нашим союзникам втянуть себя в конфликт, которого мы не хотим никакой ценой».⁸⁴

Под давлением Малой Антанты, и опасаясь быть изолированным в «пакте четырех», французское правительство вынуждено было пойти на уступки Чехословакии, Румынии и Югославии. 6 апреля французский премьер-министр Даладье заявил в палате депутатов, что Франция не может присоединиться к директории великих держав, стремящихся навязать свою волю остальной Европе; она останется верной принципу равенства наций, ревизия территориальных статей ведет неизбежно к катастрофе.⁸⁵ 10 апреля 1933 г. Ке д'Орсэ выработало контрпроект, в котором подтверждался принцип равенства стран в вооружениях, но содержалось заявление, что великие державы будут консультироваться только по вопросам, затрагивающим их собственные интересы, в соответствии с методами и процедурами, предусмотренными пактом Лиги Наций, в частности, статьями 19, 10, 16 (статья 19 предусматривала ревизию договоров, 10 обязывала членов Лиги Наций уважать территориальную целостность ее членов, а ст. 16 — экономические санкции против стран-агрессоров).⁸⁶ Даладье заявил, что он является «антиревизионистом», но остается «убежденным сторонником» двустороннего соглашения с Италией. Титулеску пригрозил французскому правительству, что если Франция поддержит изменение территориального статус-кво в Европе, то это толкнет Малую Антанту к Германии.⁸⁷

В Лондоне во время переговоров с премьер-министром Макдональдом и Саймоном Титулеску заявил, что Малая Антанта не желает иметь ничего общего с римским предложением и если бы даже ее пригласили участвовать в переговорах о «пакте четырех», она бы отказалась.⁸⁸ Титулеску требовал исключить из пакта всякое упоминание о возможности ревизии мирных договоров.⁸⁹ Он протестовал против пункта о предоставлении Венгрии, Болгарии и Австрии равноправия в вооружениях.⁹⁰ Титулеску заявил, что «соглашение великих держав с целью решения вопросов, затрагивающих интересы третьих стран, является незаконным».⁹¹ После визита в Лондон Титулеску сделал королю доклад, в котором пришел к выводу, что английское правительство «может присоединиться к «пакту четырех». В своем докладе Титулеску определил точку зрения Румынии и других стран Малой Антанты на

⁸⁴ DDF, 1 Ser., № 45, p. 77.

⁸⁵ «Le Temps», 1933, 8.IV.

⁸⁶ DDF, 1 Ser., t. 3, № 108, pp. 196—198.

⁸⁷ D. Giurescu, op. cit., p. 83.

⁸⁸ A. Gajanova. CSR a stredoevropska politika velmoci, str. 306.

⁸⁹ DDF, 1 Ser. t. 3, № 73, p. 127.

⁹⁰ DBFP, 2 Ser., vol. 5, № 84, p. 153—155.

⁹¹ D. Giurescu, op. cit., p. 85.

проект пакта: соглашение между великими державами должно затрагивать только собственные интересы участников; ни в коем случае не должны нарушаться принципы равенства стран, предусмотренные пактом Лиги Наций; изменение территориального статус-кво является самым кратким путем к войне, оно может быть проведено только в соответствии с процедурами, предусмотренными пактом Лиги Наций. Румыния никогда не позволит великим державам обсуждать вопросы, которые находятся исключительно в компетенции Лиги Наций.⁹²

После визита Титулеску правительства Малой Антанты с тревогой продолжали наблюдать за ходом переговоров о «пакте четырех». Югославский министр иностранных дел Ефтич, выступая в скупщине 30 марта 1933 г., заявил, что Малая Антанта останется верной Лиге Наций и мирным договорам. Ефтич высказался против создания «директората, который навязывает другим государствам свои концепции и свои решения».⁹³ Французский посланник в Праге Ноэль докладывал в Париж 4 апреля 1933 г., что враждебность Бенеша «идее, выдвинутой Муссолини и Макдональдом, еще более усилилась».⁹⁴

Правительства стран Малой Антанты оказывали давление не только на Францию, пытаясь добиться ее отказа от участия в переговорах о «пакте четырех» на основе предложения Муссолини. Они зондировали почву относительно сближения Малой Антанты с Болгарией. Во время заседания подготовительного комитета межбалканских конференций, которое состоялось в Бухаресте в конце марта 1933 г., представители Болгарии и Малой Антанты затронули вопрос о вступлении Болгарии в Малую Антанту, при условии, что ей будут сделаны уступки в «вопросе о национальных меньшинствах» за счет Югославии.⁹⁵

Однако югославское правительство заняло сдержанную позицию, выразив лишь готовность сделать Болгарии некоторые уступки в религиозных и языковых вопросах. Тем не менее французский посланник в Бухаресте докладывал в Париж, что «совместные действия Франции, Польши и двух других стран Малой Антанты в Белграде и Софии могут, в нынешних обстоятельствах, привести к интересным результатам... и обеспечить безопасность Югославии с Востока».⁹⁶ Попытки привлечь Болгарию на сторону Малой Антанты были замечены и в Берлине. Германский посол в Риме Хассель докладывал Нейрату, что Малая Антанта оказывает давление на Болгарию с целью выступления всех малых стран против идеи пакта четырех держав «с помощью тех же средств, которые были применены в Австрии». Хассель советовал Нейрату, со своей стороны, «оказывать давление на Болгарию и под-

⁹² Ibid., pp. 85—88.

⁹³ DDF, I Ser., t. 3, № 67, p. 112.

⁹⁴ Ibid., № 81, p. 138.

• ⁹⁵ DDF, I Ser., t. 3, № 125, p. 50—51.

⁹⁶ Ibid., № 125, p. 51.

держать ее отказ выступить против пакта». ⁹⁷ Активизацию мало-антантовской дипломатии в отношении Болгарии отметил и начальник кабинета Муссолини по министерству иностранных дел барон Алоизи. В своем дневнике он указал на «сильное давление, оказываемое Малой Антантой на Софию». ⁹⁸

Контакты между Болгарией и Малой Антантой в тот период не увенчались успехом, так как Югославия не хотела идти на территориальные уступки болгарскому правительству. Скептически отнеслось к возможности сближения между Болгарией и Малой Антантой и чехословацкое правительство. Когда 5 апреля 1933 г. французский посланник в Праге Ноэль по поручению своего правительства встретился в Бенешем для обсуждения вопроса «о Болгарии и авансах, сделанных Малой Антанте ее представителями», последний заявил, что он сомневается в искренности болгарских предложений, так как «болгары ведут двойную игру». По словам Ноэля, Бенеш «не принимает всерьез сегодня авансы Болгарии больше, чем вчера. Он считает, что правительство Софии остается связанным с итальянской политикой. Ключ к его позиции лежит в Риме, как и у венгров». ⁹⁹ Отвечая на «авансы», сделанные болгарским посланником в Праге Доревым, Бенеш заявил ему: «если вы хотите быть принятыми в Малую Антанту, подпишите с вашими соседями «Балканское Локарно» и положите конец использованию македонцев». В заключение Бенеш подчеркнул, что он «не питает иллюзий ни к искренности болгар, ни к тому, что югославы способны сделать уступки, и, что следовательно, для Малой Антанты нет надежды со стороны Болгарии». ¹⁰⁰

В этот же период были сделаны попытки сближения между Малой Антантой и Польшей, которой все больше угрожала гитлеровская Германия. Член коллегии НКВД Стомоняков в письме советскому полпреду в Варшаве Антонову-Овсеенко указывал, что «приход Гитлера к власти и постановка ревизионистских проектов в порядок дня европейской политики, усилив шансы вооруженного столкновения между Польшей и Германией, создали в то же время предпосылки для укрепления связей с Францией и Малой Антантой... В этой ситуации, каков бы ни был исход переговоров о «пакте четырех», Франция, конечно, не ослабит своих союзных связей с Польшей и Малой Антантой. Все это говорит за то, что и Польша, со своей стороны, будет стремиться к дальнейшему углублению и укреплению своих связей с Францией и Малой Антантой». ¹⁰¹

Противодействие стран Малой Антанты и Польши «пакту четырех держав» поставило французское правительство в довольно за-

⁹⁷ DGFP, Ser. C, vol. 1, № 125, p. 230.

⁹⁸ Aloisi. Journal (25 juillet 1931 — 14 juin 1936). Paris, 1957, p. 105.

⁹⁹ DDF, 1 ser., t. 3, № 59, pp. 153—154.

¹⁰⁰ Ibid., p. 154.

¹⁰¹ Документы и материалы по истории советско-польских отношений, т. 6. М., 1969, стр. 37—38.

труднительное положение. Оно боялось потерять доверие своих союзников и одновременно не хотело отказываться от переговоров о пакте. В целом позиция Франции оказалась менее решительной, чем предполагали ее союзники. Французский контрпроект, хотя и предусматривал некоторые изменения в итальянском плане, свидетельствовал о том, что Франция соглашалась на продолжение переговоров о пакте. Это ослабляло как ее собственные позиции, так и позиции французских союзников.

Правительства Малой Антанты, наряду с нажимом на Францию и стремлением заручиться поддержкой Болгарии, Польши, пытались спекулировать и на миролюбивой политике Советского Союза, в котором они надеялись найти опору в борьбе против ре-
визии Версальской системы.

Советский полпред в Париже Довгалецкий докладывал в НКВД 9 апреля 1933 г., что «пакт четырех» тут считают практически провалившимся. По общему мнению, французские поправки в корне меняют идею Муссолини... Давление на французов со стороны Польши и Малой Антанты было произведено большое. Титулеску перевидал в Париже всех более или менее выдающихся политических деятелей». ¹⁰²

В период, когда чехословацкое правительство видело в «пакте четырех» угрозу своим интересам, Бенеш во время переговоров с Довгалецким в Женеве 9 апреля вновь заявил, что если Малой Антанте «не удастся провалить пакт, то перед ней встанет вопрос о заключении в противовес директории другого пакта с участием СССР». ¹⁰³ Бенеш выразил готовность подписать одновременно с пактом о ненападении между Малой Антантой и СССР три протокола об установлении дипломатических отношений. ¹⁰⁴ Оценивая зондаж со стороны Бенеша, Довгалецкий писал Литвинову: «Мы, конечно, знаем цену словам Бенеша, но это все же характерно для определения степени раздражения, вызванного в Малой Антанте проектом директории». ¹⁰⁵

Переговоры Бенеша с советским полпредом в Париже заинтересовали французское правительство, которое их поощряло. 10 апреля 1933 г. французский посол в Москве Дежан и советник посольства Пайяр посетили М. М. Литвинова с целью выяснить отношение советского правительства к «пакту четырех» и контактам с Малой Антантой. ¹⁰⁶ Отвечая на первый вопрос, Литвинов дал Дежану «те же разъяснения, что раньше Аттолико и Дирксену». ¹⁰⁷ Литвинов подчеркнул, что у советского правительства «не может не вызвать беспокойства проект создания европейкой ди-

¹⁰² ДВП СССР, т. 16, № 113, стр. 224.

¹⁰³ Там же, стр. 225.

¹⁰⁴ DDF, I Ser., t. 3, № 1125, p. 222.

¹⁰⁵ ДВП СССР, т. 16, № 113, стр. 225.

¹⁰⁶ DDF, I Ser., t. 3, № 1115, p. 206—207.

¹⁰⁷ ДВП СССР, т. 16, № 114, стр. 225.

ректории, из которой СССР исключен». По словам Дежана, Литвинов заявил: «Все, что делается без нас, направлено против нас». ¹⁰⁸ На вопрос Дежана, не сближает ли отрицательное отношение СССР к «пакту четырех» с позицией Малой Антанты, Литвинов ответил, что «общее отрицательное отношение к пакту создает некоторую общую платформу для стран, не участвующих в пакте, но никаких выступлений на этой почве не было и, кажется, не предвидится».

Отвечая на вопрос Пайяра: «Не было ли за последнее время сближения между СССР и Малой Антантой?», Литвинов разъяснил, что действительно был зондаж со стороны Малой Антанты, который никаких результатов не дал». У Литвинова сложилось впечатление, что целью визита был «зондаж о нашем отношении к Малой Антанте». ¹⁰⁹ Затем Дежан и Пайяр поинтересовались отношением СССР «к ревизионизму и к новой Германии». Литвинов ответил, что «новые люди в Германии заверяют нас в стремлении к сохранению прежних отношений с СССР, но, поскольку это все же новые люди, мы не даем доверия авансом и присматриваемся к ним и их действиям. Нас не может интересовать в одинаковой мере ревизия всех договоров. Например, изменение границы между Малой Антантой и Венгрией или Югославией и Италией наших интересов не затрагивает. К изменению же польско-германской границы и перекройке Балтийских государств мы не можем относиться безучастно. В Прибалтике для нас также нежелательна польская экспансия, как и германская. Мы заинтересованы, — добавил Литвинов, — в сохранении независимости всех прибалтийских государств, и в особенности, Литвы». ¹¹⁰

Выполняя поручение Литвинова, 12 апреля 1933 г. Довгалеvский встретился с французским премьер-министром Даладье. В разговоре были затронут и вопрос о «пакте четырех». Даладье заявил, что он «не мог отклонить пакт, хотя к нему относился враждебно, но меморандум и поправки лишают его характера диверсии». По словам Даладье, Бонкур предложил указать во французском меморандуме, что пакт не должен предусматривать решение участниками пакта вопросов, «интересующих других членов Лиги Наций, в частности, Малую Антанту и Польшу», но по настоянию Даладье в меморандуме сказано: «интересующих другие государства, хотя бы они и не состояли членами Лиги Наций». Даладье подчеркнул, что он имел в виду СССР. ¹¹¹ После того, как Довгалеvский изложил точку зрения советского правительства на «пакт четырех», Даладье подтвердил, что в Париж были посланы гитлеровские эмиссары, развивавшие перед «влиятельными французами» те же идеи, что в свое время развивал Папен перед

¹⁰⁸ DDF, 1 ser., t. 3, № 115, p. 208.

¹⁰⁹ ДВП СССР, т. 16, № 114, стр. 226.

¹¹⁰ Там же.

¹¹¹ Там же, № 116, стр. 228.

Эррио.¹¹² В ходе разговора советский полпред информировал Даладье о своей беседе с Бенешем. По словам Довгалевского, идея пакта между СССР и Малой Антантой Даладье «очень понравилась».¹¹³

Таким образом, давление правительств стран Малой Антанты и Польши на Францию вынудило французское правительство внести некоторые изменения в проект «пакта четырех», притупив его антиуниверсальское острие, но полностью сохранив его антисоветскую направленность. Почти каждая статья новой редакции пакта содержала ссылки на Лигу Наций, на то, что все возникающие вопросы должны решаться в рамках устава Лиги Наций. Франция обещала дать определенные гарантии своим союзникам — Малой Антанте и Польше.¹¹⁴ Эти обещания были с удовлетворением восприняты в Праге, Бухаресте и Белграде. 21 апреля 1933 г. в Субботице (Югославия — *С. Р.*) состоялась встреча Титулеску с Ефтичем. Оба министра иностранных дел констатировали «успех кампании Малой Антанты против «пакта четырех» и ревизии мирных договоров». Титулеску подчеркнул, что Малая Антанта получила «от всех решающих инстанций» заверения, которые позволяют ей «с уверенностью смотреть в будущее».¹¹⁵

Получив от Франции обещание предоставить гарантии, Бенеш от имени правительств Малой Антанты 4 мая 1933 г. передал советскому представителю в Праге проект договора о ненападении. В сопроводительной ноте к проекту договора указывалось, что одновременно можно будет признать СССР де-юре и разрешить все спорные вопросы между ним и странами Малой Антанты.¹¹⁶ Однако Бенеш отказывался рассматривать свое письмо и приложения к нему как официальный акт.¹¹⁷

Все это свидетельствовало о том, что предложение Бенеша было маневром, рассчитанным на усиление внешнеполитических позиций Малой Антанты, ослабленных переговорами о «пакте четырех». Неискренность чехословацкого правительства, его двойственное отношение к «пакту четырех» видно из выступления Бенеша в палате депутатов, в котором Бенеш дал ясно понять, что «пакт четырех» мог бы найти понимание у чехословацкого правительства и подчеркнул, что после внесения некоторых изменений он даже готов «искренне пожелать успеха Муссолини».¹¹⁸ Тем самым правительство Чехословакии оставляло за собой лазейку, представ-

¹¹² Там же; см. также: ДВП СССР, т. 15, № 409. Во время своего визита в Париж в декабре 1932 г. Папен предлагал Эррио заключить франко-германский союз, направленный против СССР.

¹¹³ ДВП СССР, т. 16, № 116, стр. 228.

¹¹⁴ Текст французского контрпроекта см.: Сборник документов по международной политике..., вып. 6: М., 1934, стр. 12—14.

¹¹⁵ «Правда», 1933, 24 апреля.

¹¹⁶ Внешняя политика Чехословакии. 1918—1939, стр. 299.

¹¹⁷ Внешняя политика Чехословакии, стр. 299.

¹¹⁸ Там же, стр. 300.

являвшую возможность изменить отношение к «пакту четырех», что вскоре и произошло. Однако публично Бенеш и другие представители Малой Антанты продолжали выступать в роли противников «пакта четырех» и сторонников укрепления Малой Антанты.¹¹⁹

В гитлеровской Германии и фашистской Италии французский контрпроект пакта вызвал недовольство. Статс-секретарь германского МИД Бюлов заявил французскому послу в Берлине, что «первоначальный проект Муссолини был для нас наилучшим».¹²⁰ В беседе с советским полпредом в Германии Хинчуком Бюлов подчеркнул, что для германского правительства являлся приемлемым лишь первый проект Муссолини. По мнению Бюлова, «в нем предусматривалась ревизия Версаля и намечалось положительное решение вопроса о разоружении в духе германского плана... Измененный проект плана под влиянием Макдональда является мало приемлемым для Германии. Теперь существует несколько проектов пакта: первоначальный — Муссолини, английский, французский... Все они, за исключением пакта Муссолини, неприемлемы, особенно французский, требующий проведения пакта в рамках Лиги Наций, а в отношении ревизии стоящей на точке зрения изменения лишь методов ревизии...».¹²¹

Нужно отметить, что в этот период страны Малой Антанты вели сложную дипломатическую игру. Наряду с нажимом на Францию и переговорами с Советским Союзом, правительства Малой Антанты пошли на сближение с гитлеровской Германией. Наибольшую активность в этом процессе проявляло румынское правительство. Румынская буржуазия и помещики, связанные экономическими интересами с германским империализмом, стремились и к политическому сотрудничеству с ним. К Аржетояну, А. Вайда-Воевод и главы румынских фашистов К. Кодряну и А. Куза выступали за прогерманскую ориентацию.¹²² Гитлеровцы умело использовали антикоммунизм и антисоветизм румынских правящих кругов для усиления своих позиций в Румынии. Особое внимание Берлин уделял созданию нацистской «пятой колонны» в Румынии — «Железной гвардии», партии «национал-христиан» и германскому меньшинству в стране, финансируя их деятельность.¹²³

Однако тенденция к сближению с Германией не могла в тот период стать определяющей во внешней политике Румынии. Правительство Румынии выступало против ревизии Версальской системы. Большая часть господствующих классов Румынии была связана с капиталом западных держав, доминировавшим в румынской экономике.¹²⁴ Ведущие буржуазно-помещичьи партии — национал-

¹¹⁹ DDF, 1 Ser, t. 3, № 144, p. 257—258.

¹²⁰ DGFP, Ser. C, vol. 1, № 171, p. 317.

¹²¹ ДВП СССР, т. 16, № 131, стр. 258.

¹²² Н. И. Лебедев. Внешняя политика буржуазно-помещичьих кругов Румынии (1932—1938). — «Вопросы истории», 1967, № 8, стр. 60.

¹²³ Titu Georgesky. Sur la cinquieme colonne hitlerienne en Roumanie. — «Revue d'histoire de la deuxieme guerre mondiale», 1968, № 70, pp. 19—22.

¹²⁴ Т. Савин. Иностранный капитал в Румынии. М., 1950, стр. 82—83.

либеральная во главе с Д. Братиану и национал-царанистская во главе с Ю. Маниу придерживались англо-французской ориентации. Наиболее последовательным сторонником профранцузской ориентации был Н. Титулеску. Он приветствовал франко-советское сближение и выступал за сотрудничество с СССР, но при этом стремился обеспечить интересы румынских правящих кругов и настойчиво пытался добиться отказа СССР от захваченной Румынией Бессарабии.¹²⁵ Титулеску рассматривал зондаж в отношении Берлина как дополнительное средство давления на Францию и короля, которого он пытался убедить в невозможности одновременно союза с Францией и сотрудничества с нацистской Германией.

Вскоре после прихода Гитлера к власти Титулеску в интервью корреспонденту венгерской газеты предложил создать таможенный союз аграрных стран Юго-Восточной Европы с участием великих держав.¹²⁶ По поручению Титулеску румынский посланник в Берлине Комнен 30 января 1933 г. пытался выяснить у статс-секретаря Бюлова, каково будет отношение Германии к подобным планам. Бюлов отверг эту идею, которая, в сущности, являлась одним из вариантов «плана Тардье», рассчитанного на укрепление экономических и политических позиций Франции в Дунайском бассейне, создание антисоветского блока и вытеснение Германии и Италии из Юго-Восточной Европы. Бюлов подчеркнул необходимость признания «особых интересов» Германии и Италии в Дунайском бассейне.¹²⁷

Контакты между румынским правительством и Германией продолжались и в последующий период. 17 марта 1933 г. румынский король Кароль принял корреспондента газеты «Фелькишер беобахтер» Вебера, в разговоре с которым затронул вопрос о положении в Германии. Кароль II подчеркнул, что он придает большое значение укреплению отношений между Румынией и Германией и что «польский вопрос не является препятствием для этого».¹²⁸ На следующий день Титулеску встретился с лидером румынских национал-либералов Стефаном Татареску, которому изложил следующие тезисы для передачи их лично Гитлеру неофициальными каналами. Титулеску заявил, что «сближение Румынии с Германией желательно и необходимо. Польская проблема не представляет препятствия для реализации этого желания». Титулеску указал, что Румынии «невозможно отделиться от Франции до тех пор, пока не будет внесена ясность в германо-румынские отношения». Титулеску выразил желание лично встретиться с Гитлером. Этот разговор Татареску передал Веберу, а последний довел его до сведения германского МИД.¹²⁹

¹²⁵ Н. И. Лебедев. Внешняя политика..., стр. 61.

¹²⁶ DGFP, Ser. C, vol. 1, № 5, p. 12.

¹²⁷ Ibid., p. 13.

¹²⁸ DGFP, Ser. C, vol. 1, № 118, p. 220.

¹²⁹ Ibidem.

Однако зондаж Титулеску был с недоверием воспринят в Берлине. По мнению германского МИД, Титулеску руководствовался «намерением нейтрализации... плохого впечатления, произведенного на Берлин его официальной политикой в Женеве». Секретарь военно-политического отдела нацистской партии полковник Хасельмайр, скептически оценивая заявление Титулеску, тем не менее советовал МИД использовать его для «ослабления отношений между Румынией и Францией».¹³⁰

Попытки сближения с гитлеровской Германией были продолжены и в дальнейшем. 13 апреля 1933 г. Кароль в разговоре с французским посланником в Бухаресте Пюо выразил восхищение «триумфальным» приходом Гитлера к власти и заявил, что он будет «благодеем для рейха». Кароль подчеркнул, что он был бы рад, «если бы началось франко-германское сближение». Пюо ответил, что Франция тоже стремится к такому сближению, но не хочет производить его за счет Польши». Тогда король заявил, что он является сторонником аншлюса и «упразднения польского коридора».¹³¹

Зондаж румынской дипломатии в отношении Германии нашел некоторый отклик: 25 апреля Титулеску неофициальным путем было передано приглашение Гитлера встретиться в Мюнхене. Однако Титулеску не решился на встречу с «фюрером».¹³² Противодействие Титулеску «пакту четырех» и маневры румынской дипломатии вызывали раздражение в Берлине и не привели в то время к положительному результату.

Союзники Румынии, Чехословакия и Югославия, опасаясь агрессии со стороны Германии и Италии, не доверяли фашистским державам. В донесении из Белграда французский посланник Паджиаир отмечал, что «недоверие к Риму здесь очень велико». Югославский министр иностранных дел Ефтич подчеркнул, что «Муссолини давно уже вынашивает свою мечту о господстве в Центральной Европе и на Балканах».¹³³ Французский поверенный в Праге Моникольт сообщал в Париж, что чехословацкое правительство недовольно тем, что Англия идет на соглашение с Муссолини и поддерживает ревизионистские планы. По словам Моникольта, «здесь не удивятся, если ближайшая итальянская кампания будет направлена против Румынии, которую в Риме считают наиболее слабым государством Малой Антанты». Ревизионистская кампания в Италии и Венгрии, по мнению поверенного, только укрепляет намерение Чехословакии сопротивляться.¹³⁴

Возросшая угроза агрессии со стороны Германии заставляла правительство Чехословакии укреплять военные связи с Францией. В мае 1933 г. между представителями генштабов Франции и

¹³⁰ Ibidem.

¹³¹ DDF, 1 Ser., t. 3, № 131, p. 231.

¹³² DGFP, Ser. C, vol. 1, № 189, p. 349.

¹³³ DDF, 1 Ser., t. 3, № 128, p. 228.

¹³⁴ DDF, 1 Ser., t. 3, № 144, p. 257.

Чехословакии велись переговоры о взаимодействии чешской и французской армий в случае войны с Германией.¹³⁵

В конце мая 1933 г. правительство Франции усилило нажим на страны Малой Антанты, с целью принятия ими французского проекта «пакта четырех». Однако министры иностранных дел стран Малой Антанты во время переговоров в Женеве с Поль Бонкуром потребовали, чтобы одновременно с подписанием «пакта четырех» Франция предоставила им письменные гарантии, что пакт не нанесет ущерба их интересам. Бенеш и Титулеску настаивали на том, чтобы проблема территориальной ревизии в Европе решалась великими державами единогласно и в соответствии с уставом Лиги Наций.¹³⁶

В конечном итоге французской дипломатии удалось получить согласие правительств Малой Антанты на принятие своей редакции «пакта четырех». Однако Ке д'Орсэ было вынуждено дать странам Малой Антанты требуемые гарантии.¹³⁷

В Германии и Италии даже весьма неопределенные гарантии Франции своим союзникам вызвали недовольство. Нацистская дипломатия была раздражена тем, что Франция «связана обязательствами информировать Югославию и Румынию и консультироваться с Польшей перед принятием любого политического обязательства». Статс-секретарь Бюлов просил германского посла в Париже подчеркнуть перед французским правительством, что «обязательства такого рода стоят на пути прямого германо-французского взаимопонимания».¹³⁸ 31 мая 1933 г. германский посол в Париже Кестер в разговоре с генеральным секретарем МИД Франции Леже пытался выяснить, соответствуют ли действительности слухи о гарантиях Франции Малой Антанте. Леже ответил, что эти сведения «неточны».¹³⁹ Французское правительство «просто известило о своей собственной интерпретации пакта четырех держав». Далее Леже изложил позицию Франции в отношении «пакта четырех»: великие державы должны обсуждать только те вопросы, которые касаются их самих; в соответствии с уставом Лиги Наций они должны консультироваться по таким проблемам, как пограничные вопросы, требующие единогласного решения всех членов Лиги Наций и согласия заинтересованного государства.¹⁴⁰ Эти объяснения однако не успокоили германское правительство.

30—31 мая в Праге состоялась сессия Постоянного совета Малой Антанты, на которой представители трех стран выразили свое формальное согласие с французской редакцией «пакта четырех». Для того, чтобы успокоить общественное мнение в странах Малой

¹³⁵ DDF, 1 Ser., t. 3, № 240, p. 418.

¹³⁶ Ibid., № 311, pp. 554—555.

¹³⁷ Ibid., № 342, p. 611; DGFP, C, vol. 1, № 272, p. 500—501.

¹³⁸ DGFP, Ser. C., vol. 1, № 271, p. 499.

¹³⁹ Ibid., № 275, p. 502.

¹⁴⁰ Ibidem.

Антанты, 29 мая в Белграде и Бухаресте состоялись организованные правительством митинги протеста против ревизии мирных договоров.¹⁴¹

В коммюнике Малой Антанты, изданном 30 мая 1933 г., с удовлетворением констатировалось, что «первая сессия пакта, дух которой противоречил принципам международного права, и правам, вытекающим для всех наций, была окончательно отброшена. Новый же текст... соответствует меморандуму французского правительства от 10 апреля, устанавливающему, что «пакт четырех» касается лишь вопросов, затрагивающих исключительно интересы его участников».¹⁴² Далее в коммюнике сообщалось, что три министра «приняли к сведению» заверения, данные им и другим европейским державам — участникам будущего пакта. Эти заверения касались: рамок действий, за пределы которых участники пакта не собирались выходить; сохранения компетенции Лиги Наций; обязательности единогласного решения по всем вопросам, касающимся пересмотра мирных договоров. Французское правительство предоставило странам Малой Антанты категорические гарантии «против всех попыток ревизии». Участники конференции Малой Антанты сочли необходимым вновь рассмотреть проблему пересмотра территориальных статей мирных договоров, чтобы выразить «точку зрения трех стран и устранить всякую двусмысленность в настоящем и будущем». Тем не менее, страны Малой Антанты не исключали, в принципе, возможности постановки вопроса о пересмотре границ.¹⁴³

Одновременно правительства Малой Антанты дали понять западным державам, что Малая Антанта имеет и другую возможность изменить свою ориентацию: «Что касается Советского Союза, то Малая Антанта с удовлетворением принимает к сведению общую позицию, выявившуюся по некоторым вопросам на конференции по разоружению, и с доверием взирает на развитие отношений в будущем».¹⁴⁴ С помощью этого заявления правительства Малой Антанты пытались оказать давление на Францию и Англию и обеспечить себе более надежную поддержку западных держав против агрессивной политики гитлеровской Германии и фашистской Италии.

Несмотря на официальные «гарантии» Франции, в странах Малой Антанты по-прежнему опасались выдвижения требования ревизии границ со стороны фашистских держав, а также Венгрии и Болгарии. Французский поверенный в делах в Бухаресте докладывал в Париж 1 июня 1933 г., что предстоящее подписание «пакта четырех» «вызывает здесь некоторое недоумение, которое плохо рассеивают даже официальные статьи». Правящие круги Румынии опасались, что «неизбежно наступит момент, когда Франция

¹⁴¹ «Известия», 1933, 30 мая.

¹⁴² DDF, I ser., t. 3, № 331, p. 595.

¹⁴³ Ibid., p. 596.

¹⁴⁴ Внешняя политика Чехословакии, стр. 301.

окажется в меньшинстве ассоциации четырех держав», что отрицательно скажется и на положении ее союзников.¹⁴⁵

Между тем переговоры о «пакте четырех» подходили к концу. 7 июня 1933 г. представители Франции, Англии, Италии и Германии парафировали в Риме «пакт о согласии и сотрудничестве». В новой редакции пакта не фигурировали больше ни «общая политическая линия в европейских вопросах», ни «пересмотр договоров». Пакт ссылался на параграфы статута Лиги Наций, относящиеся как к сохранению статус-кво, так и к санкциям и ревизии. Однако основная идея пакта — директорат империалистических держав и антисоветская направленность полностью сохранялась.

В день парафирования пакта французский министр иностранных дел Поль Бонкур направил посланникам Чехословакии, Румынии и Югославии в Париже ноты, в которых французское правительство заявляло, что новый договор не затронет союзные договоры Франции со странами Малой Антанты. Франция обещала, что она не допустит постановки вопроса о ревизии границ «вне правил, зафиксированных статьей 19 устава Лиги Наций» и будет ими руководствоваться во всех процедурных вопросах применения пакта.¹⁴⁶

В гитлеровской Германии обмен нотами между Францией и Малой Антантой был встречен с нескрываемым раздражением. В своем окончательном виде «пакт четырех» не оправдал всех надежд, возлагаемых на него германскими фашистами, а французские «гарантии» Малой Антанте еще более сковывали действия гитлеровцев, надеявшихся на произвольное толкование отдельных статей пакта в ревизионистском духе. Германский министр иностранных дел Нейрат в письме Хасселю от 10 июня 1933 г. указывал, что Германия не может согласиться с французскими нотами, которые закрывают путь для ревизии границ в Европе. Нейрат просил Хасселя встретиться с Муссолини и обсудить положение, созданное «нелояльными действиями Франции».¹⁴⁷ 12 июня Муссолини заявил Хасселю, что он разделяет «германскую позицию» и считает «исключение принципа ревизии и конкретных способов ее применения особенно неприемлемым».¹⁴⁸ Хассель ознакомил Муссолини с проектом ноты, которую Германия намеревалась вручить Франции. В ноте выражалось сожаление, что Франция вступила в соглашение «с третьими странами об интерпретации и применении договора» и указывалось, что действия Франции «не способствуют достижению целей, преследуемых пактом».¹⁴⁹ 15 июня 1933 г. германский посол в Париже Кёстер встретился с французским министром иностранных дел Бонкуром. В ответ на замечание Бонкура, что подписание пакта является «боль-

¹⁴⁵ DDF, 1 ser., t. 3, № 346, p. 615.

¹⁴⁶ DDF, 1 ser., t. 3, № 377, p. 691.

¹⁴⁷ DGFP, Ser. C, vol. 1, № 300, p. 549—550.

¹⁴⁸ Ibid., № 308, p. 559.

¹⁴⁹ Ibidem.

шим успехом», Кёстер заявил, что ценность пакта «иллюзорна», так как обмен нотами между Францией и Малой Антантой «ставит под сомнение ее позицию по отношению к ревизии».¹⁵⁰

Тем не менее нацистская дипломатия считала, что в целом «пакт четырех» выгоден Германии. В циркулярном письме германским миссиям в столицах европейских стран Нейрат указывал, что пакт утверждает в Европе лидерство четырех западных держав. По мнению Нейрата, Германия получала возможность требовать равноправия в вооружениях на конференции по разоружению, кроме того, пакт срывал попытки изоляции Германии и повышал ее престиж.¹⁵¹

Таким образом, «пакт четырех» представлял попытку сговора двух империалистических группировок — Англии и Франции, с одной стороны, и Германии и Италии, — с другой, на антисоветской основе. Однако в конечном итоге попытки империалистических держав примирить свои противоречия не удалось. Острые и глубокие разногласия между участниками пакта, особенно между Францией и Германией, нарастали и явились главными причинами провала пакта, который не был ратифицирован.

Важной причиной провала пакта была борьба против него советской дипломатии. Определенную роль в срыве пакта сыграло и противодействие стран Малой Антанты, которым удалось добиться исключения из окончательного текста пакта вопроса о ревизии мирных договоров вне рамок Лиги Наций. Но под давлением Франции и Англии они вынуждены были признать ведущую роль четырех империалистических держав в европейской политике. Это означало крах попыток правящих кругов Малой Антанты сыграть роль «пятой великой державы» в Европе.

¹⁵⁰ DGFP, Ser. C, vol. 1, № 315, p. 569.

¹⁵¹ Ibid., vol. 1, № 291, p. 533.